

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-5-417-420

КОЗАКОВ Вадим Александрович,
Магистрант 2 года обучения,
Школа права и управления Тюменского
государственного университета,
управляющий партнер ООО ЮК «ЭКВИТАС»,
e-mail: kozakov-10@mail.ru

ВЕЩЬ КАК ОБЪЕКТ ИМУЩЕСТВЕННОГО ОБОРОТА

Аннотация. Автор статьи исследует существо отчуждаемости как одно из свойств, характеризующее вещи в рамках устоявшейся в цивилистической доктрине дихотомии, в основу которой положен критерий оборотоспособности. В результате исследования категорию «отчуждаемость» предложено воспринимать через юридический и физический акты распоряжения. При этом, если юридический акт распоряжения сводится исключительно к перемещению субъективного права, то физический акт распоряжения всегда связан с перемещением вещи в сферу условного «телесного» контроля приобретателя. Сделан вывод, что физический акт распоряжения лежит вне права, а сама вещь находится вне правоотношения. Доказано, что для цели имущественного оборота значение имеют акт присвоения (как установление субъективного права на материальный объект) и переход субъективного права.

Ключевые слова: имущественный оборот, благо, материальный объект, вещь, объект гражданских прав, субъективное право, присвоение, отчуждаемость, юридический акт распоряжения, физический акт распоряжения.

KOZAKOV Vadim Aleksandrovich,
Second year Master's student,
School of Law and Management of University of Tyumen,
Managing Partner of EQUITAS Law Firm LLC

THING AS AN OBJECT OF PROPERTY TURNOVER

Annotation. The author of the article explores the essence of alienability as one of the properties characterizing things within the established dichotomy of civil law doctrine, which is based on the criterion of transferability. The study proposes perceiving the category of "alienability" through legal and physical acts of disposal. Moreover, while the legal act of disposal is reduced solely to the transfer of a subjective right, the physical act of disposal is always associated with the transfer of a thing into the sphere of the acquirer's conditional "bodily" control. It is concluded that the physical act of disposal lies outside the law, and the thing itself is outside the legal relationship. It is demonstrated that for the purpose of property turnover, the act of appropriation (as the establishment of a subjective right to a material object) and the transfer of a subjective right are significant.

Key words: property turnover, good, material object, thing, object of civil rights, subjective right, appropriation, alienability, legal act of disposal, physical act of disposal.

Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности, относит к объектам гражданских прав вещи, которыми конкретизируется объем родовой категории «имуще-

ство» (ст. 128 ГК РФ). К вещам выставляется реквизит оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ). Материальный объект, соответствующий требованию оборотоспособности, становится видимым право-

порядком. Суверен (государство), руководствуясь политико-правовыми задачами и, в идеале, целью построения *res publica* (в данном случае, общего блага), включает те или иные материальные субстанции в область гражданского права и исключает их из нее, что, в конечном счете, формирует имущественный оборот и устанавливает границы юридической категории «вещь как объект гражданских прав».

В свою очередь, имущественный оборот – это явление социального порядка, оформляющее изменение принадлежности имущества, посредством отчуждения. Известный римский принцип (продиктованный бытовой логикой), согласно которому никто не может дать то, чего у него нет, позволяет обоснованно указать, что всякому отчуждению, конечно, предшествует акт присвоения и акт распоряжения. Однако, предпосылками отчуждения (как правового результата) являются акты именно правового присвоения материального объекта и распоряжения. Ремарка «правового» необходима здесь для указания на базовое разграничение (отмеченное еще римскими юристами) чувственного мира (*mundus sensibilis*) и мира умопостигаемого (*mundus intelligibilis*). Мы утверждаем, что акты правового присвоения и распоряжения относятся именно к умопостигаемому миру и не могут находиться вне права, как особой социальной реальности. Мир идей, которым является право, нельзя смешивать с физическим (в общепотребительном значении) миром.

На данном этапе позволим себе сформулировать следующий тезис: все, что можно присвоить и чем возможно распорядиться – способно составить объем категории «вещь как объект гражданских прав» в контексте имущественного оборота. Здесь возникает три момента, требующие развития: во-первых, что из себя представляет юридический акт присвоения? Во-вторых, что такое юридический акт распоряжения? И, в-третьих, почему «всё» лишь «способно», а не всегда и с полной определенностью составляет объект гражданских прав и как отличить абстрактную способность (то есть гипотетическую, абсолютную, происходящую от сущности субстанций) и конкретную «объектность» (иначе говоря, усиленную и зафиксированную правопорядком).

Нужно отметить, что еще М.М. Агарков в свое время вплотную приблизился к указанному выше тезису, но, поскольку цель его работы пролегла в иной области, ученый не стал развивать далее своей мысли, ограничившись лишь предположением: «может быть, было бы правильнее считать объектами в гражданском праве лишь то, в отношении чего возможны акты распоряжения.» [1, с. 30]. Приведенный тезис, однако, следует рассматривать в контексте редукционистского

подхода М.М. Агаркова относительно объема понятия «гражданский оборот», сводимого автором к одному лишь имущественному обороту.

Итак, под юридическим актом присвоения следует понимать вовлечение материального объекта в сферу распространения своей воли. Материальный объект становится функцией воли и получает социальное существование, в котором раскрываются уже иные, социальные, свойства материального объекта (например, способность быть источником имущественной ответственности) [2, с. 264]. Присвоением устанавливается отношение «Я - МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ - ДРУГИЕ», то есть классическое вещное правоотношение.

Присвоение является предпосылкой собственности. Правовое присвоение возможно при наличии минимум двух субъектов. Условный Робинзон совсем не нуждается в праве, но лишь до тех пор, пока не появится Пятница и на повестке дня не встанет вопрос разграничения «мое-твое», не возникнет обмен (предпосылки гражданского оборота) и утверждение правовой субъектности не превратится в экзистенциальную проблему. Материальный объект в чистом виде не детерминирует появление прав на него, необходим еще и второй субъект (конкретное лицо-должник в относительных правоотношениях или «все остальные» в абсолютных). В таком виде речь идет уже о социальном отношении, при помощи которого мы отрываемся от чувственного, материального мира (того самого экономического базиса). В обществе права (цивилизации новой сложности) человек присваивает блага единственно посредством установления юридической связи. Само по себе экономическое наличие благ, пускай даже и при высочайшем уровне физического господства, не делает из нас собственников или кредиторов.

Что касается акта юридического распоряжения: для лица (и оборота в целом) имеет значение субъективное право на определенный материальный объект, как инструмент установления прочной связи, предвосхищающей извлечение пользы из блага на основе частноправовых принципов. Иначе говоря, отсутствие права на определенный материальный объект превращает любое извлечение ценности из него в контрправовое.

Продавая вещь, мы, с целью установления новой связи, в первую очередь передаем субъективное право, а момент переноса физического господства (держания) не всегда совпадает с переходом права. Так, Е.А. Флейшиц в статье «К вопросу о «непринятом наследстве» указывала: «купля-продажа, как и всякий договор, есть соглашение сторон о перенесении не вещей, а прав. Но ввиду того, что по договору купли-продажи продавец обязывается к перенесению наиболее пол-

ного права на вещь, права собственности, он обязан вместе с тем — как обязаны к тому же и контрагенты по некоторым другим договорам — передать и самую вещь. А неточность юридического языка, вовлекая нас в ту же ошибку, которую когда-то делали римляне, смешивая право собственности с вещью, его объектом, и противопоставляя его в качестве *res corporalis* другим правам, побуждает нас говорить о продаже как об отчуждении «вещей» [3, с. 461].

Также вспомним утверждение Р. Саватье, согласно которому «и вещные, и обязательственные права, касающиеся любого конкретного имущества, индивидуализируются; каждое из этих прав как таковое может стать предметом сделки: можно продать usufrukt, право нанимателя, да и вообще любое право требования. С того момента, когда возникает возможность такой продажи, права становятся имуществом» [4, с. 54] или замечание, что «всякое имущество, в сущности выступает как право» [4, с. 55].

Отметим, что существует два акта распоряжения: юридический акт, которым осуществляется перевод субъективного права, и физический акт, которым благо (при необходимости и возможности, что немаловажно) перемещается в сферу «телесного» контроля другого субъекта (нового обладателя субъективного права). Однако сказанное касается исключительно вещей, как материальных объектов. Физический акт распоряжения лежит вне права. Кажется, и сам материальный объект в обороте находится, что называется, «за скобками» правоотношения. Итальянцы, к примеру, и вовсе понимают вещь как некую доправовую сущность, а благо рассматривают объективным пределом субъективного права [5, с. 1183].

Теперь вернемся к вопросам: «почему «всё» лишь «способно», а не всегда и с полной определенностью составляет объект гражданских прав и как отличить абстрактную способность от конкретной «объектности». Для определенной субстанции мало быть потенциально присваиваемой и потенциально способной к распоряжению, необходимым реквизитом (публично-правового свойства) материальных объектов гражданских прав является еще и оборотоспособность (то есть способность определенного материального объекта быть видимым правопорядком). Соответственно и различить «абстрактную способность» от «конкретной объектности» возможно лишь при помощи негативного теста: не должно существовать полного запрета на совершение юридического акта распоряжения в отношении определенного блага.

Резюмируя, следует скорректировать наш тезис для достижения логической полноты высказывания. Напомним его: все, что можно присвоить и чем возможно распорядиться — способно соста-

вить объем категории «вещь как объект гражданских прав». Поскольку присваиваются блага (пускай и путем установления все той же юридической связи — субъективного права), но посредством юридического акта распоряжения передаются уже сами субъективные права, значит, что маркер «присвоения» излишний для определения «объекта гражданских прав» и вполне охватывается юридическим актом распоряжения. Аналогично и требование оборотоспособности укладывается в саму возможность осуществления юридического акта распоряжения.

Таким образом, всё, в отношении чего возможно осуществить юридический акт распоряжения способно составить объем понятия «вещь как объект гражданских прав» в контексте имущественного оборота. С помощью некоторого «виража» мы, с небольшим дополнением, вернулись к формулировке, предложенной М.М. Агарковым. Однако отметим, что, в нашем понимании, та или иная субстанция, в отношении которой утверждается юридическая связь, находится вне права по той простой причине, что юридический акт распоряжения опосредует перемещение именно субъективного права. Право, как область идеального, параллельна физической реальности, где происходит физическое перемещение материального объекта в сферу «телесного» контроля. Эту параллельность возможно заметить, если представить разнообразие экзистенций самих благ, ведь не всякое благо обладает телесным воплощением, а многие и вовсе являются чистыми правами. Кажется, такой подход учитывает все многообразие объектов, в том числе возможных в будущем.

Мы утверждаем, что любой материальный объект в области права преобразуется в субъективное право на него и выступает в обороте именно в таком качестве. Иначе сказать, субъективное право на определенный материальный объект выступает абстрактной формой (правовым отражением) экзистенции самого такого объекта для нужд сферы гражданского права в контексте имущественного оборота.

Список литературы:

[1] Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое изд-во, 1940. 192 с.

[2] Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву в 2 т.; Исследу центр част. Права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, Рос. Шк. Част. Права. — М: Статут, 2021, т.1: Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение. — 466 с.

[3] Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2025. 461 с.

[4] Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. Пер. с фр. Р. О. Халфина. – М. Издательство «Прогресс», 1972. 440 с.

[5] Commentario breve al Codice civile. Aggiornato alla Riforma Cartabia e al d.lgs. 2 marzo 2023, n. 19 (a cura di Andrea Giordano). Editrice “Ad Maiores S.r.l.s.”. 4844 p.

References:

[1] Agarkov, M. M. Obligation in Soviet Civil Law. Moscow: Legal Publishing House, 1940. 192 p. (In Russian)

[2] Dozhdev D.V. Dozhdev D.V. European Tradition of Private Law: Studies in Roman and Compar-

ative Law in 2 Volumes; Researching the Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation, Russian School of Private Law. – M: Statut, 2021, Vol. 1: Law, Justice, Legal Science. Good Faith. Property Rights and Possession. – 466 p. (In Russian)

[3] Fleyshits Ye. A. Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Statut, 2025. 461 p. (In Russian)

[4] Savatier, R. Theory of Obligations: Legal and Economic Essay (R. O. Khalfina, Trans.). Moscow: Progress Publishers. 1972, 440 p. (Translated from French; in Russian)

[5] Commentario breve al Codice civile. Aggiornato alla Riforma Cartabia e al d.lgs. 2 marzo 2023, n. 19 (a cura di Andrea Giordano). Editrice “Ad Maiores S.r.l.s.”. 4844 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.